

— Раскудахтались тут... Хватит орать, позже покормлю, — ворчал Мао Сяофэй.

Свернув кульком сочный зеленый лист таро, он приоткрыл рот раненого. На этот раз лежащий без сознания юноша стал жадно глотать воду. Посуды не было, так что Мао Сяофэй пришлось разломить кукурузную лепешку прямо на широком листе и размочить её водой.

Сложив руки на груди, он в раздумье разглядывал двух куриц, привязанных к дереву. Какую же съесть?

Яркие лесные птицы, словно почуяв неладное, жались друг к другу за стволом и испуганно вытягивали шеи, настороженно следя за каждым его движением.

— Вот смотрите: будь среди вас петух, я бы его первым зажарил. Но вы же обе несушки, да еще и на одно лицо! Я теперь в упор не помню, какую из вас вчера обещал пустить в суп.

— Ко-ко-ко...

— Квох-квох!

Завидев, что Мао Сяофэй надвигается на них, птицы в панике захлопали крыльями. Одна из них ухитрилась оттолкнуться от спины товарки и взлететь на нижнюю ветку.

— Тебе всё равно далеко не улететь. Доходяг надо есть первыми, а то отощешь без корма, один убыток будет, — рассуждал он, раскинув руки для броска.

Но оставшаяся на земле курица даже не пыталась сбежать. Она сидела неподвижно, лишь голова её мелко подрагивала.

— Смирись, милая. В следующей жизни родишься кем-нибудь получше, — ласково приговаривал он, прыгая вперед.

Ошалевшая от страха птица истошно закудаhtала, взлетела прямо ему на голову и принялась яростно клевать и путать его и без того растрепанные волосы. Парень тщетно пытался её сцапать — курица ловко уворачивалась, прыгая по его плечам.

— Да слезь ты с меня!.. — Мао Сяофэй уже потянулся к привязанной веревке, как вдруг в густой траве его взгляд зацепился за круглый белесый предмет.

Оказывается, курица не двигалась потому, что неслась! В гнезде из примятой травы лежали целых три яйца. Видимо, пережитый за последние дни испуг так странно повлиял на её организм. Он бережно подобрал яйца, обтер их о подол уставной формы и оглянулся на лежащего неподвижно юношу.

Глотая слюну и заглушая урчание в собственном пустом желудке, Мао Сяофэй присел рядом с раненым. Он осторожно приоткрыл ему рот, проделал крохотную дырочку в скорлупе и начал по капле вливать туда тягучий сырой белок. Юноша глотал с трудом; он терпеливо ждал, пока дернется его кадык, прежде чем продолжить.

Повертев в руках последнее, третье яйцо, он немного поколебался, затем надколол его, сам отхлебнул самую малость, а всё остальное до последней капли скормил бедолаге.

— Слышишь? Живой там? Смотри не вздумай помереть, а то выйдет, что я на тебя дефицитные яйца зря перевел, — Мао Сяофэй облизал испачканные пальцы и задумчиво уставился на куриц.

В его голове зашевелились деловые мысли. Если одна несушка дает три яйца в день, то две принесут шесть. А если еще раздобыть в лесу диких ягод да наловить рыбы в ручье, то они вполне продержатся, пока не выберутся из этой глуши.

Так, куриц резать нельзя. Мало того что нельзя — их теперь нужно беречь и холить.

Мао Сяофэй уселся прямо на землю и принялся разглядывать полураздетого юношу, осторожно ощупывая его кожу вокруг порезов. Прошлой ночью в темноте толком ничего не было видно — огниво приходилось беречь для долгой дороги, — и только теперь парень разглядел раны как следует. Их было много, но самая опасная пришлась под рёбра. К счастью, нагноения не началось. Судя по крепкому телосложению и загорелой коже, этот человек привык к суровым тренировкам и походной жизни, а значит, запас жизненных сил у него солидный.

Раненый был совсем молод. В его чертах сквозило удивительное сочетание юношеской нежности и мужской зрелости, а длинные ресницы, точно два маленьких веера, плотно прикрывали глаза. Солнце поднялось высоко, и душный, влажный воздух Цинси сразу стал тяжелым и липким — к местному климату Мао Сяофэй никак не мог привыкнуть.

Днем здесь царила изнуряющая духота, а по ночам пробирал такой холод, будто вот-вот повалит снег.

Мао Сяофэй немного полюбовался своим невольным спутником, затем оттащил его поглубже в тень развесистого дерева и присыпал сверху сорванными ветками для маскировки. Свои размокшие кукурузные лепешки, превратившиеся в склизкую желто-зеленую жижу, он без сожаления скормил птицам, а сам отправился на склон искать целебные травы.

Мао Сяофэй с детства не умел давать сдачи, за что бывал бит несчетное количество раз. Приемный отец его, положим, руку прикладывал редко, но годы сиротского бродяжничества, когда приходилось буквально зубами вырывать у других попрошайек каждый клочок земли под мостом, научили его выживать. Ради куска хлеба он готов был хоть у бешеной собаки кость отобрать. Но странное дело: все эти детские невзгоды и обиды начали стираться из памяти с тех пор, как в девять лет его впервые взяли в богатый дом слугой-мальчишкой.

Сейчас былое уже не казалось ему горем. Денег на лекарей тогда, конечно, не водилось, и лечить раны приходилось подножными средствами. Распознавать целебные корни его научил старый нищий — гроза всех бродяг у храма Покровителя города. Получив свое первое настоящее жалованье, он на радостях купил связку из четырех пышных паровых булочек-маньтоу и со всех ног бросился к храму, чтобы отблагодарить старика.

Но в храме никого не оказалось. За тот месяц, что он не появлялся в округе, старый нищий ушел бродяжничать в другие края, так и не дождавшись угощения.

Вот почему, даже получив развод от князя Аньяна и погоревав для приличия пару дней, Мао Сяофэй быстро воспрянул духом и снова зажил прежней беззаботной жизнью.

Собрав нужные травы, Мао Сяофэй тщательно разжевал их, выплюнул зеленую кашу на ладонь и аккуратно наложил на раны юноши. Травяной сок, должно быть, сильно щипал, потому что сквозь пелену забытья на лице раненого проступила гримаса боли.

Закончив, он заметил, что тот всё ещё хмурится. Он склонился пониже и легонько подул на обработанные места.

Удивительно, но лицо раненого постепенно разгладилось.

Мао Сяофэй довольно хмыкнул: надо же, неужели его дыхание обладает волшебной силой?

Сняв с веток просохшую одежду, Мао Сяофэй разорвал подол своей уставной формы на длинные лоскуты. Он приподнял раненого, наложил повязки и аккуратно одел его обратно. Хотя по фасону трудно было угадать, кто этот парень, сама ткань выдавала благородное происхождение. Во всем их новобранском лагере никто и близко не мог позволить себе вещь такого качества.

Он всё больше укреплялся в мысли, что юношу принесло течением реки откуда-то издалека. А судя по характеру порезов, он пострадал в жестокой схватке. "Уж не знаменитый ли это разбойник?" — подумал он.

С другой стороны, его чистая кожа и горделивая осанка — даже сейчас его шея напоминала изгиб раненого, но не сломленного лебедя — говорили о превосходном воспитании. Мысли путались. С какой стати такому утонченному юноше оказываться в этих глухих дебрях, куда самого Мао Сяофэя везли в повозке несколько дней? На обычного солдата он тоже похож не был: в армию ведь идут от беспросветной нищеты, а этот парень явно не знал нужды.

Вдруг его осенило: "А вдруг он вражеский шпион?!"

Но и эта догадка казалась нелепой. Лицо у раненого было благородным и открытым, а правильные, мужественные черты дышали такой чистотой, что заподозрить его в коварстве

было решительно невозможно.

Ломать голову над неразрешимыми загадками Мао Сяофэй не любил. Плюнув на расспросы, он взвалил бесчувственное тело на спину, взял в каждую руку по курице и медленно, шагжок за шагком, поплелся по едва заметной тропе к выходу из лесной чащи.

Так они пробирались двое суток. К полудню третьего дня силы окончательно покинули его. Несушки к тому же проявили крайнюю нестабильность: на второй день они выдали всего одно яйцо, а на третий и вовсе забастовали.

Не будь парень измотан до полусмерти, он бы давно пустил этих пернатых дармоедок под нож.

Усевшись на траву, Мао Сяофэй уныло уставился на своего подопечного. Тот лежал бледный как полотно — казалось, еще немного, и испустит дух. И ведь раны на теле затягивались на удивление быстро, покрываясь молодой розовой кожей, но сознание к нему упорно не возвращалось. Он не смыслил в медицине и не понимал, что держит парня в забытьи. Одно было ясно: если так пойдет и дальше, они оба протянут ноги и превратятся в самых тощих призраков в Поднебесной.

Поразмыслив, Мао Сяофэй не нашел иного выхода, кроме как оттащить бедолагу обратно в пещеру, где они ночевали накануне. Он бережно натянул на него свою поношенную уставную форму.

— Полежи тут тихонько, подожди меня, — прошептал он. — Твой спаситель тебя не бросит. Спущусь к лагерю, найду подмогу и мигом вернусь.

Одна тропа вела прочь из этих мест, другая — в глубь горного массива. Опасаясь погони или патрулей, Мао Сяофэй держался подальше от исхоженных дорог, но двигался в верном направлении. С тяжелой ношей на плечах он плелся как черепаха, преодолев за два дня от силы верст пять.

Сколько блуждать до цивилизации — бог весть. А вот вернуться в лагерь налегке можно было всего за день, если поспешить.

Но как уговорить помощника генерала Лю выслать подмогу? Ладно, решит на месте. Если Лю откажет, можно подбить на это дело Сюй Ци и Сюй Цю. Сюй Цю парень простой — посули ему лесное яйцо, расшибется в лепешку, но поможет. А Сюй Ци просто выглядел надежным и отзывчивым человеком.

По дороге Мао Сяофэй пил воду из каждого встречного ручья и жадно уплетал попадавшие дикie ягоды. Обеих куриц он примостил у себя на голове, рассудив по пути, что в гарнизоне, где солдаты уже забыли вкус мяса, пара живых птиц станет отличным аргументом. Он убедит помощника генерала Лю поймать еще побольше диких кур и развести собственное птичье хозяйство!

Он шел от рассвета до сумерек, пока наконец в воздухе не разлился тонкий, умопомрачительный аромат свежеевыпеченных лепешек.

На его глаза навернулись слезы счастья. "О матушка-земля, спасен! Живой!"

Смахнув набежавшую слезу, он из последних сил заковылял к воротам лагеря.

Как назло, у самого входа его ждала неприятная встреча. Но отступить было некуда — пришлось идти напролом.

Завидев сидевшего на пороге помощника генерала Лю, вальяжно закинувшего ногу на ногу, Мао Сяофэй внутренне содрогнулся, но послушно рухнул на колени.

— Мао Сяофэй! — гаркнул офицер, точно гром посреди ясного неба.

— Здесь!

— А я-то думал, ты набрался смелости и дезертировал. Чего притащился обратно?

Мао Сяофэй с опаской покосился на начальника. Хоть тот и подговорил когда-то Сюй Цю проучить его, к крайностям Лю никогда не прибегал — так, изводил по мелочи ради собственного развлечения. К тому же сейчас в глазах офицера промелькнула едва заметная тень облегчения, которую он тут же подметил.

С врагами ухо всегда нужно держать востро.

— Господин Лю, вы всё не так поняли, — заюлил он.

— И что же я не так понял? То, что тебя три дня в лагере не было? Или что эти куры принадлежат гарнизону? Запомни, у нас тут живой птицы уже полгода никто в глаза не видел, так что зубы мне не заговаривай! — Лю прищурился, явно соображая, какую кару придумать для бродяги.

— Да постоит же, господин Лю! Всё дело как раз в них, — затараторил Мао Сяофэй, округлив глаза и крепче прижимая к себе птиц. На его лице расплылась хитрая ухмылка. — Этих несушек я самолично в горах выследил! Только место там глухое, далекое. Мне бы пару помощников, чтобы еще наловить. Одной ведь птицей сыт не будешь, да и без петуха цыплят не вывести...

Лю раздосадованно махнул рукой и рявкнул:

— Да кто с тобой про кур говорит!

— Но господин Лю, он же дело говорит! — подал голос один из часовых.

— Мы же сто лет курятины не пробовали... — робко поддакнул второй.

Солдаты принялись заговорщицки перешептываться. Лю на мгновение опешил, и в этот момент в тишине раздалось громкое, отчетливое урчание. Присутствующие синхронно опустили взгляды на живот своего командира.

Смутившись, Лю недовольно скривился и отмахнулся:

— Ладно вам... Изголодались совсем. И что это за дичь такая? Несутся хоть? Если на яйца их пустить, то мяса мы не увидим. Да и тощие они какие-то, на один зубок. Кого тут кормить-то?

— Вот я и говорю — надо ловить еще! Заведем семейство, пойдут цыплята, а там и яйца рекой потекут, — затараторил Мао Сяофэй. Вдруг его лицо просияло: перепуганная курица в его руках неожиданно напряглась, и из-под её хвоста прямо на ладонь парня выкатилось теплое яйцо.

Он среагировал мгновенно. Ловко подхватив его, он протянул добычу командиру:

— Не изволите ли отведать, господин Лю? Самое свежее, прямо из-под «станка»! Свежесть гарантирую!

Уж не знаю, поверил ли офицер шутовским ужимкам Мао Сяофэя, но перспектива раздобыть свежее мясо его явно прельстила. Командир тут же распорядился выделить пять человек для вылазки. Среди них оказались Сюй Ци и Сюй Цю, остальных троих Мао Сяофэй видел впервые.

Все они были обычными рядовыми, за исключением одного — бледного юноши с повадками книжного червя, который в стороне о чем-то переговаривался с Лю. Помощник генерала то и дело бросал косые взгляды в его сторону. Тот сделал вид, что ничего не замечает, и тайком переправил теплое яйцо в карман Сюй Цю.

Сюй Цю заглянул в карман, и его глаза мгновенно увлажнились от избытка чувств.

Он дружески похлопал его по плечу:

— Мы же братья, всё поровну.

Подошедший Сюй Ци оглядел его с ног до головы и с облегчением выдохнул:

— Ну, слава богам, цел. В здешних лесах, говорят, волки лютуют.

— Что?! — вскрикнул побледневший парень.

— Познакомься, это наш адъютант Лу, — добавил Сюй Ци, указывая на грамотея. — Его выделили нам в помощь.

В груди у него всё похолодело. "Если того бедолагу в пещере загрызут хищники, вся моя беготня пойдет насмарку! Да он мне еще за три с половиной яйца должен!" — в панике подумал он.

— Господин Лу, — заторопился Мао Сяофэй. — Может, двинемся без промедления? Путь неблизкий. Если выйдем сейчас, к ночи будем на месте, расставим силки, а к завтрашнему обеду уже вернемся с добычей.

Сроки он взял с потолка, лишь бы усыпить бдительность начальства.

Адъютант Лу оказался покладистым малым и даже выхлопотал для каждого по выносливому горному ослу. Животные шли уверенно и плавно. Он, не спавший последние сутки, стоило ему оказаться в седле, мертвой хваткой вцепился в ослиную шею и мгновенно заснул без задних ног, пуская слюни прямо на гриву бедной скотины.

Разбудил его ощутимый толчок в плечо. Сюй Ци расталкивал его в предрассветных сумерках.

— Ну и где твои куры? — спросил Сюй Ци.

— Который час?.. — пробормотал спросонья Мао Сяофэй, озираясь по сторонам.

Вокруг выли бьющие по лицу ветки деревьев, а в непроглядной тьме все заросли казались одинаковыми.

— Часа через два рассветет, — отозвался Сюй Ци. — Осмотрись хорошенько. Мы точно на месте? Что-то кудахтанья не слышно.

— Так я же для того их с собой и взял! — самодовольно ухмыльнулся Мао Сяофэй, спуская с поводка своих пленниц. Голодные птицы, не евшие целый день, тут же принялись шумно раскапывать палую листву и громко квохтать.

Мао Сяофэй велел спутникам спешиться и передохнуть, а сам принялся напряженно всматриваться в темноту. Кажется, эти скалы были ему знакомы.

— Вы, небось, пить хотите? Я мигом сбегаяю к источнику, тут горная вода чистая, сладкая как мед!

— Ступай, только поживее, — адъютант Лу протянул ему пустой кожаный бурдюк.

— Слушаюсь! — весело отозвался Мао Сяофэй и шмыгнул в чащу.

Стоило ему скрыться из виду, как он тут же бросился на поиски заветной пещеры. Вскоре кудахтанье лесных куриц осталось далеко позади, а впереди, среди деревьев, послышался странный, зловещий скрежет. Мао Сяофэй замедлил шаг и, спрятавшись за валуном, осторожно выглянул наружу.

У входа в пещеру копошились три крупные серые тени. Одна из них с остервенением разгребала завал из камней, которыми парень так тщательно закрыл лаз. Скрежет когтей о камень эхом разносился по безмолвному лесу.

<http://bllate.org/book/18429/1769195>